

ПУТЯМИ ВЕКА

Время итогов — не самое радостное в жизни любого человека, но значительное, если годы и десятилетия прожиты не зря. Время, отпущенное Василию Ивановичу Белову, исполнено великого труда и неподражаемого творчества, искреннего и глубокого в каждой его строке.

Место и роль Василия Белова в литературе наших дней очень заметны. Это сознают многие, хотя, может быть, и не в полной мере. Пришел писатель к читателям скорее незаметно, чем шумно, своей повестью «Деревня Бердяйка» (1961). Первая рецензия на нее появилась только спустя два года: шумели в критике тогда о «звездных мальчиках». А Белов на моду не падок и, кажется, знал свое предназначение едва ли не изначально. Уже «Привычное дело» (1966) возбуждает интерес, который и сейчас не утратился.

Основательно осваивая уроки русской классики, В. Белов и сам не понаслышке знает народную жизнь. Вот что он пишет о себе в автобиографии:

«Я, Белов Василий Иванович, родился 23 октября 1932 года в д. Ти-
мониha, Харовского р-на, Вологодской области, в семье колхозника. Отец,
Белов Иван Федорович, погиб в 1943 году на фронте, мать, Белова Анфи-
са Ивановна, работала в колхозе... В 1945 году я закончил Азлецкую се-
милетнюю школу. В 1944 году вступил в комсомол. До 1949 года работал
в колхозе, затем учился в школе ФЗО № 5 (г. Сокол), где получил специ-
альность столяра 5-го разряда. Работал в Монзенском СМУ (ст. Вохтога).
Там же получил специальность моториста-дизелиста. Затем работал на
ЯРМЗ № 3 электромонтером. С мая 1952 г. по декабрь 1955 г. служил
в Советской Армии... После демобилизации я работал столяром на заво-

де г. Пермь. Затем переехал на родину в Вологодскую область и работал сотрудником Грязовецкой районной газеты, а также первым секретарем Грязовецкого РК ВЛКСМ. Учился в вечерней школе и в 1959 г. получил аттестат зрелости, в том же году поступил учиться в Литинститут им. Горького. Закончил его в 1964 году. С этого времени занимаюсь литературной работой».

И вот появляются год за годом рассказы «Весна» и «Под извоз», «На Бобришном огоре» и «За тремя волоками», повесть «Плотницкие рассказы» и пьеса «Над светлой водой», роман «Кануны» и цикл «Воспитание по доктору Споку», снова рассказы, пьесы «Районные сцены» и «Бессмертный Кощей», наконец, книга «Лад». А как бы между делом появились «Бухтины вологодские», «Случайные этюды», юмористическая повесть «Целуются зори» и с нее одноименный фильм...

Не стремясь называть произведения В. Белова в разных жанрах в последовательности точно хронологической, я хотел показать, как от одной деревеньки идет писатель в мир, все шире охватывая явления, преодолевая тематические рамки, глубоко пропахивая действительность.

И куда только критики не толкали Василия Белова: и к современности после «Привычного дела», и утверждали, что драматургия — это не его стихия... Ан нет, он шел сам по себе.

С первых шагов в литературе Белов — писатель, осваивающий прежде всего современность. И «Привычное дело» — это повествование вовсе не «из прошлого одной семьи», как было означено в первой публикации, но из самого, что ни есть настоящего. А обращение к прошлому, к истории и в формах сатиры («Бухтины вологодские»), и в форме объективного повествования («Кануны») вызвано теми же интересами современности. Оно отразилось углублением философской мысли и в городских повестях, и в новых песнях...

Поиск корневых закономерностей более всего волнует Василия Белова в «Канунах», но не оставляет сомнений вера писателя в торжество жизни и добра. Оно легко не дается: борьба добра и зла извечно идет в мире и только в разные времена принимает различные обличия. А как в наши дни? На этот вопрос Белов отвечает, показывая самое сложное противостояние современности: превращение России сельской в Россию индустриальную.

Из деревни в город давно уже, более столетия (а точнее всегда — с тех пор, как стали возникать города) проложены тропинки: в Славяно-греко-латинскую академию, в мастерские шли без возврата парнишки. Не толь-

ко у нас — во всем мире. Еще Иван Шмелев в начале века писал у нас об этом, а потом Александр Малышкин («Люди из захолустья») и другие. Иначе пишут о переходном состоянии человека, из деревни пришедшего в город, У. Фолкнер (США) и Ю. Кавалец (Польша).

Теперь, когда уже не тропа, а широкая пыльная дорога прошла в меняющихся условиях, своих деревенских героев нашли в городе Василий Шукшин и Василий Белов. Только порою там, где Шукшин видит отклонение от «нормы» (отсюда и героин его — «чудики»), Белов открывает явление. И явление это — сложность адаптации в городской среде того человека, который сформировался в деревне. Помочь в таких обстоятельствах человеку — прямая обязанность литературы, а для этого сами писатели должны обладать внутренней устойчивостью: от мятущегося много ли душевного опыта наберешься?

Сохранить цельность натуры В. Белову помогло, надо полагать, историческое чутье и крепкий народный юмор. Во всем у него мы найдем здравый смысл, доступный каждому, а для человека думающего всегда откроется и нечто запредельное обыденности. Для достижения этого оказывается решающей способность писателя отказываться от однажды найденного, преодолевать себя в поиске новых художественных путей и решений.

Да, увы! Константин Зорин («Плотницкие рассказы» и цикл «Воспитание по доктору Споку») стал пленником и данником города, так и не привыкнув к нему. И не случайно городские рассказы Белова вызвали в критике бурную полемику. А роман «Все впереди» (1986), явившийся на заре «перестройки», вызвал буквально критический шквал. Писателя загоняли в «свой огород», в деревню, но годы с тех пор только подтвердили правоту писателя в его оценках и прозрениях. Даже об «автономии крестьянской избы» нынешний энергетический кризис позволяет говорить как о глубоком провидении. Да только ли это!..

Сопоставление различий учит чуткости в освоении жизненного материала и дает простор для интуиции в тех случаях, когда писатель обращается к опыту, недоступному для непосредственного наблюдения. И в «Канунах» Белов удобно, на своем месте, почувствовал себя как в деревне конца двадцатых годов, так и среди тружеников первой пятилетки — на старом московском заводе и в коммунальной квартире. А широта обзора в свою очередь обеспечивает глубину постижения действительности, не ограниченную ни локальностью целей, ни тематической узостью.

Ставить себе максимальные задачи, учиться снова и снова Василий Белов умеет, вот почему и выходит на главные направления развития

в современной литературе. Так, одна за другой в последние годы появляются в театре инсценировки прозы — М. Шолохова, М. Алексеева, В. Распутина и многих, многих других. И это понятно. зритель хочет знать серьезность суждений о жизни, к которым он привык в прозе, и на сцене тоже. А наша драматургия, в основной своей массе, слишком долго носившая платье, сшитые по готовым выкройкам, к серьезному разговору пока не готова. Поневоле театр обращается к инсценировкам прозы, а не надежнее ли другой путь — поднять драматургию до уровня достижений прозы? Ведь инсценировка — что ни говорите — перевод, адаптация и неизбежно вторична, а во вторичности — гибель искусства.

Как раз Василий Белов, обратившись к драматургии, не пошел по пути наименьшего сопротивления, — он не прибегает к инсценировкам, а создает оригинальные пьесы. В районных сценах («По 206-й») он исследует механизм переливания личных отношений в общественные, — здесь истоки, от которых зависит истинность демократизма нашего общества. Написанная прекрасным белым стихом, гибким и необходимо точным, пьеса-сказка «Бессмертный Кощей» говорит об отношении человека к миру, в котором живет он, с острой бескомпромиссностью, но без какой бы то ни было тенденциозности. Такого масштаба и глубины социального исследования, явленного в формах простых и динамичных, наша драматургия не знает.

Тою же мерой отмечены последние две пьесы Василия Белова, очень разные как по тематике, так и по художественным приемам. Он одинаково уверенно чувствует себя в веке тринадцатом («Князь Александр Невский») и в наши горячие трагические дни («Семейные праздники»). Историзм — неотъемлемое свойство таланта В. Белова, и оно проникает художественную ткань пьес не только о далеком прошлом, но и задает живое дыхание сценам о днях сегодняшних, придавая им судьбоносный смысл.

А с другой стороны — книга «Лад», опять же ни на что не похожая ни в творчестве Белова, ни в современной литературе. Иному писателю материала, заключенного в этой вещи, хватило бы на десяток романов. Между тем, Белов щедро выплеснул неизмеримое богатство, не гнушаясь очерковой формы, и создал художественно цельный образ мира, в котором жили наши недавние предшественники. У нас теперь иная жизнь, но мы — дети русских крестьян, а родительский опыт никогда лишним не будет. Это истинная поэма добра — книга «Лад» и в то же время — подлинная энциклопедия русской крестьянской жизни.

«Лад» не была первой книгой в творчестве писателя и тем не менее сопровождала его от родимых истоков, определяя все его художественные поиски, олицетворяя в них главное. Жизнь всегда несет в себе горечь утрат, и это В. Белов познал сполна. Но писатель никогда не мирился с разладом, навязанным нам злою волей.

Нет, он не прятался в легендарное прошлое, в Белогорье, но, памятуя о традициях, отстаивал народные идеалы и в прозе, и в драматургии, и в публицистике. А слово публициста у Василия Белова переходило непосредственно в дело. Не от тщеславия, но только ради дела стал он депутатом Верховного Совета,— чтобы иметь возможность отстаивать интересы крестьянства, вечного «должника» паразитов всех мастей. Не имея возможности пробиться в печать с критикой авантюрного «проекта века» — переброски северных рек (мне самому довелось видеть гранки статьи на эту тему в «Правде», так никогда и не опубликованной), он использует любую возможность. Юрий Бондарев включает беловские тезисы, сократив свое выступление на съезде писателей. Сергей Залыгин обращается в писательскую организацию Вологды по этому вопросу. А уже после этого появляются публикации на эту тему в «Новом мире». И скоро волна общественного возмущения широко разлилась, и в ней захлебнулись ретивые проектировщики. А Белов? Он скромно остался в стороне, в тени — он сделал свое дело и был первым на линии огня.

И так — во всем.

Неведомым читателю подвигом и главным творением Василия Белова стала его крестьянская хроника. Первая часть «Канунов» опубликована в 1972 году. И стала она зачином мощной эпопеи о судьбах крестьянства и самой России. Эпопеи, перевернувшей представления о новейшей истории, рядом с которой нет ничего равного. Не случайно, история издательских мытарств книг «Кануны» и «Год великого перелома» сама по себе своеобразная и горькая эпопея. Но теперь это величественное создание мужественного таланта навсегда с нами.

Наши дороги века прошли через русскую деревню и разметались во все концы света. Немало заблудившихся в бескрайности этих дорог, немало мятущихся в поисках опоры. И рядом с ними живет большой русский писатель Василий Белов, человек с обостренной совестью, знающий сомнения и мучения, но никогда не лгущий ни себе, ни другим. И в честности его книг люди находят веру в жизнь, в торжество добра и правды.

1981, 2002